

Голос этого человека был необыкновенно мягким, отчего взъерошенная шерстка Цзян Ли немного разгладилась. Судя по звуку, это, должно быть, тот самый старший сородич по имени Му Шэн, о котором только что судачила кучка молодых даосов.

Собеседник уверенно шагнул, медленно вошел в комнату и, точно так же, как прежний старик, опустил Цзян Ли на мягкий пухлый фuton.

В итоге Цзян Ли перестал смотреть, как старик сидит на футоне в медитации, и начал смотреть, как на футоне в медитации сидит Му Шэн.

Впрочем, теперь Цзян Ли уже не помышлял о побеге. Он здесь человек чужой и незнакомый; еще куда ни шло, если попадется кто-то добрый и кроткий вроде Му Шэна, а вот столкнись он с кем-нибудь с причудливыми странностями — быть беде.

Му Шэн изначально собирался дочитать вечерние каноны, а затем расспросить остальных соучеников, кто это тайком завел в обители котенка.

Однако в следующий миг Му Шэн открыл глаза, поднял с футона свернувшегося клубочком жалобного крошечного котенка и прижал к груди, а его длинные изящные пальцы принялись то и дело легко гладить кошачью макушку.

Цзян Ли не знал, передались ли ему повадки котенка из-за превращения, но чувствовал лишь, как Му Шэн ласкает его так, что все тело наполняется блаженством, и сам не заметил, как заснул, устроившись в чужих объятиях.

Заснув, котенок издавал из горлышка тихое мурлыканье, отчего казался еще более умильным. Му Шэн проводил пальцем от макушки котенка до самой спинки, и тот, притеревшись к его одежде, заснул еще крепче.

Цзян Ли из-за вчерашней бессонницы и ночных кошмаров стоило лишь коснуться теплого, не таящего ни капли зла тепла Му Шэна, как он тут же провалился в глубокий сон.

Едва Цзян Ли заснул, как в дверь постучал и вошел облаченный в даосские одежды мужчина средних лет. Увидев котенка на руках у своего ученика, он ничуть не удивился, а на лице его даже промелькнуло нечто вроде мягкости.

Под удивленным и слегка напряженным взглядом Му Шэна мужчина сурово произнес:

— Твой прадед-наставник велел тебе через палочку благовоний зайти к нему в покои. — С этими словами он бросил еще один взгляд на сладко спящего котенка на руках у Му Шэна: — И кошку, что у тебя на груди, тоже прихвати с собой.

— Учитель, разве прадед-наставник не в затворе? Зачем ему вдруг понадобилось видеть ученика? — опасаясь разбудить котенка, Му Шэн намеренно понизил голос. Он думал, что эту

кошку тайком держат кто-то из младших братьев, но мысль о том, что сам прадед-наставник стал бы заводить кота, казалась ему совершенно невероятной.

Мужчина средних лет все же не удержался, подошел, бережно перенял котенка из рук Му Шэна и легонько погладил кошачью макушку. Стоило ему повернуться к собственному ученику, как лицо его сделалось крайне недовольным:

— Иди раз велено. Твой прадед-наставник уж точно не причинит тебе зла.

Му Шэн чувствовал себя несколько беспомощно. Как бы ни казался его учитель холодным и отстраненным с посторонними, на деле он обладал взрывным характером и абсолютным отсутствием терпения.

— Ученик понял, — Му Шэн мог лишь почтительно кивнуть и, под трепетным взглядом учителя, словно у отцеубийцы, «отобрал» сладко спящего котенка: — Ученик идет к прадеду-наставнику.

Под взглядом учителя, провожавшего его так, будто он совершил тягчайшее преступление, Му Шэн без колебаний шагнул за порог.

А в это время в клане Ци в Юньчэне Ци Хуайчжоу лежал на постели, из его живота и поясницы непрерывно сочилась ярко-алая кровь. Выражение его бровей и глаз было до предела мрачным и леденящим, выглядел он весьма пугающе.

Наложница клана Ци, госпожа Линь, склонив голову и роняя слезы, помогала сыну обрабатывать рану.

Капля за каплей слезы падали на расшитое одеяло, но каждая из них ранила сердце Ци Хуайчжоу острее любого ножа.

— Матушка, я в порядке. Если я не сделаю кое-что сейчас, рано или поздно мы оба погибнем в этом бессердечном доме, — Ци Хуайчжоу поднял руку и медленно стер слезы с щек наложницы. — Матушка, поверь мне, только покинув клан Ци, мы сможем отыскать хоть проблеск надежды на выживание.

В бесчисленных прошлых жизнях его мать погибала от мечей тех людей лишь потому, что раскрыла секрет клана Ци и попыталась выкроить хоть крошечный шанс на побег для него, приемного сына, не связанного с ними кровными узами.

Ци Хуайчжоу много раз обдумывал это и на сей раз твердо решил: он напрямую расскажет матери тайну клана Ци, опередив события. Раз оставаться в клане Ци — значит не иметь возможности изменить свою судьбу, он намерен сперва вывезти мать из клана Ци, а уже потом строить другие планы.

Линь Юэси была глухонемой девушкой, которую купил старый господин Ци. Можно сказать, во всем заднем дворе клана Ци она была самой чистой: не замешанная ни в какие интриги и ничьи интересы, она являлась и самой удобной для контроля, поэтому старейшина Ци и доверил ей воспитание Ци Хуайчжоу, носившего в себе великую тайну.

В то же время в бесчисленных прошлых жизнях именно по этой причине хитрый и коварный старый негодяй Ци Сяньчунь не проявлял к ней лишней бдительности и даже не смотрел в ее сторону. Благодаря этому у Линь Юэси появилась возможность передать секрет Ци Хуайчжоу и помочь ему сбежать из этого похожего на чистилище клана Ци.

Линь Юэси была малограмотной, но понимала одну истину: родившись подданной Великого Ци, она умрет подданной Великого Ци и уж точно не станет помогать иноземным мятежникам, обращаясь против взрастившей ее страны.

Похлопав сына по плечу, Линь Юэси подняла руку и знаками показала:

— Все это я понимаю. Клан Ци слишком опасен, Чжоу-эр, если представится возможность, беги один!

Сейчас Линь Юэси еще не знала о зловещем приказе бывшего иноземного правителя, исполняя который Ци Сяньчунь подменил истинного наследника фальшивым. Она была лишь самой обычной матерью, желавшей лишь одного — чтобы ее сын жил в безопасности.

На бледном лице Ци Хуайчжоу промелькнула улыбка:

— Я понимаю материнскую заботу, но мы с матушкой похожи. Разумеется, я хочу, чтобы матушка всегда была со мной, а когда я женюсь и у меня появятся дети, она еще будет нянчить моих внуков!

Наконец слова Ци Хуайчжоу заставили Линь Юэси сквозь слезы улыбнуться. Пока что у матери с сыном еще оставалась передышка.

В это время все злодеяния еще даже не начались: Ци Сяньчунь, получив приказ от бывшего шаньюя Цянди, разыграл фарс с подменой наследника и вырастил из наследного принца Великого Ци безотказного наемного убийцу, подчиненного его воле.

Сейчас у Цянди как раз шла междоусобная борьба за власть, и тот будущий шаньюй Цянди, что завоюет Великое Ци, еще не отобрал трон у других братьев и пока не ведал об укрытых в Великом Ци силах старого шаньюя.

Ци Хуайчжоу сжал кулак и медленно разжал его: все еще можно исправить, но это лишь крошечный шанс.

Пережив столько смертей и перерождений, Ци Хуайчжоу смутно ощущал некую злобу этого

мира, направленную против него. Казалось, самое небо обрекло его на гибель, и как бы он ни сопротивлялся, в конце концов он неизбежно возвращался к предначертанному финалу.

Но... в глазах Ци Хуайчжоу блеснула зловещая тьма. Неужели это воля небед? Если небеса желали его смерти, то зачем раз за разом возвращали его к самому началу?

Именно поэтому Ци Хуайчжоу не верил ни в какие небеса и предопределения. Пока есть хоть малейший шанс, он изо всех сил будет бороться.

...

Му Шэн бережно прижимал к груди все еще крепко спящего котенка и неторопливо шагал к покоям прадеда-наставника. Одной рукой придерживая кота, он уже собрался было постучать другой, как изнутри донесся строгий голос прадеда:

— Войди.

Сюань Цзицзы по-прежнему сидел на футоне, а его поза была такой же прямой и строгой, как перед тем, как Цзян Ли тайком ускользнул.

Му Шэн на мгновение замер, затем толкнул дверь, вошел в комнату и на цыпочках опустился на колени на футон рядом с прадедом-наставником:

— Му Шэн приветствует прадеда. Не знаю, зачем прадед позвал меня...

Сюань Цзицзы медленно открыл глаза, казавшиеся погруженными в бездну бесконечных веков. Не отвечая Му Шэну, он перехнял крошечного котенка, который уже почти пускал слюнки во сне:

— Какой же беспечный ребенок, как сладко спит.

Спустя долгое время Сюань Цзицзы наконец заговорил с Му Шэном:

— У тебя с А-Ли кармическая связь. Если прадед прикажет тебе в будущем остаться рядом с А-Ли, оберегать и защищать его, согласишься ли ты?

Му Шэн не стал расспрашивать о причинах и сразу же кивнул:

— Ученик согласен, лишь бы прадед отдал приказ.

Цзян Ли чувствовал только, что этот сон удался на славу: ни помех от бессонницы, ни тягостных кошмаров — проснуться естественным образом оказалось невероятно приятно.

Пока его не разбудил невыносимый голод, и тогда он понял, что после сна, похоже, снова

сменил место. Впрочем, он по-прежнему оставался крошечным котенком, и никаких признаков возвращения в человеческий облик не наблюдалось.

В животе отчаянно урчало, и по комнате разнесся нежный кошачий мяуканье. Сюань Цзицзы вошел в комнату, держа в руках пиалу с особым овечьим молоком.

— Высочество проспал целые сутки, наверное, сильно проголодался. — Поставив молоко неподалеку, Сюань Цзицзы бережно поднял растерянного котенка, устроившегося в самом центре постели: — Высочество может не беспокоиться, к завтрашнему дню все вернется в норму.

Крошечный котенок розовыми коготками поскреб одежду Сюань Цзицзы. Сначала он еще раздумывал над словами старика, но голод взял свое: стоило учуять аромат овечьего молока, как кошачья головка мгновенно закружилась, и в мыслях осталось лишь одно — немедленно наброситься на еду.

Поглощая молоко и предаваясь фантазиям, Цзян Ли хоть и соображал с трудом, но теперь точно был уверен в одном: истинная личина его тела — вовсе не детеныш какого-нибудь демона-кота, иначе старик давно отправил бы его душу к праотцам.

Старик явно знал множество внутренних подробностей, но совершенно не собирался делиться ими с ним. Это в точности напоминало те романы из интернета, что он читал: стоило появиться какому-нибудь знающему отшельнику, как он тут же начинал изображать из себя глубокомысленного мудреца и говорить полунамеками.

Впрочем, Цзян Ли мало волновало подобное. В прошлой жизни он был самым обычным горожанином, без великих идеалов и амбиций, не говоря уже о таких подростковых глупостях, как спасение мира.

Поэтому сейчас у Цзян Ли была лишь одна мысль — поскорее сбежать. Его нынешний статус слишком опасен: не говоря уж о способности превращаться в кота, одного только факта, что он фальшивый наследный принц, хватило бы, чтобы лишиться здесь головы.

Раз уж выпало переродиться, кто знает, удастся ли после смерти вернуться в родной мир? Цзян Ли безумно дорожил своей жизнью, так что из тридцати шести стратегий бегство было для него лучшей. Изначально он планировал еще немного повадливо полежать во дворце, но теперь в этом не было никакой нужды.

Позже старик еще о чем-то болтал и рассуждал, но Цзян Ли был занят только молоком и ничего толком не расслышал, чувствуя лишь, что этот старик, кажется, просто разговаривал сам с собой.

Лишь к вечеру Му Шэн заглянул засвидетельствовать почтение прадеду и заодно забрал наевшегося и напившегося котенка.

— Учитель, — Цинсюй вошел внутрь и поклонился Сюань Цзицзы. — Вы всё объяснили А-Ли?

— Ничего не говорил, — Сюань Цзицзы поднял взгляд на Цинсюя. — Вмешиваться в дела раньше времени — лишь портить кармическую связь. У тебя буйный нрав и ты сроду не умеешь держать язык за зубами, не крутись постоянно возле А-Ли.

Учитель с ног до головы излучал явное презрение, и Цинсюй задохнулся от возмущения. Но стоило ему вспомнить, что сегодня он сам держал А-Ли на руках, как в груди внезапно шевельнулось чувство вины. Больше не пытаясь изображать холодную неприступность, он прямо выпалил с раздражением:

— Раз не велено, не пойду! Я и не рвался к нему особо.

Сюань Цзицзы вздохнул. Что ж, пожалуй, единственное достоинство этого его ученика — умение стоять на своем до конца.

<http://bllate.org/book/21171/2144740>